

ПОЭЗИЯ XXI ВЕКА: ЖИЗНЬ БЕЗ ЧИТАТЕЛЯ?¹

Сергей Чупринин

Есть все основания думать, что русская поэзия переживает сейчас пору неслыханного, фантастического расцвета. Никогда еще в стране и за ее пределами не выходило так много стихотворных сборников. Издать книгу в наши дни не стоит ничего – вполне хватит вдовьей пенсии или пары студенческих стипендий. Не так трудно создать свой союз писателей (либо назвать свою литгруппу при ДЭЗе международным союзом писателей), выпустить собственный журнал или альманах. Еще проще зарегистрироваться в Интернете, отправив туда домодельные стихи в надежде, что им, как драгоценным винам, настанет свой черед. И...

И ты станешь поэтом. По крайней мере прослывешь поэтом – по крайней мере в собственных глазах. А большего и не нужно – ведь ты сам свой высший суд, как и было сказано.

Тем более что стихи нынче могут быть любыми. Например, правильными, совсем как в школьном учебнике, и тогда носить им гордый титул традиционных, творчески продолжающих и развивающих. Или, совсем наоборот, они имеют право быть возмутительно неправильными, нарушающими все и всяческие представления о метрике и ритмике, о красоте и смысле – чтобы группа поддержки (а у кого ее нет?) могла твердить про пощечину общественному вкусу, достоинства авангардности и инновационности.

Благо, сейчас в русском поэтическом пространстве – куда там Серебряному веку! – одновременно сосуществуют все, кажется без изъятия, мыслимые и немыслимые традиции, линии и векторы движения отечественного стиха – от гиперконсервативного до ультрареволюционного. И каждый из этих векторов представлен отнюдь не только тютькиными, но и поэтами действительно значительными, а иногда и замечательными. Конечно, каждая школа ценит исключительно своих фронтменов в твердой уверенности, что «нас в русском языке от силы десять» (Лев Лосев), но школ этих – опять же куда там Серебряному веку! – сейчас столько, что значительные поэты могут исчисляться десятками, если не вовсе сотнями.

Все, словом, у нас до зависти тип-топ.

Нет только счастья.

Потому что число читателей поэзии с каждым новым годом, с каждым новым альманахом или авторским сборником неумолимо сужается, измеряясь уже не сотнями тысяч, как бывало, а просто сотнями, если не вовсе десятками.

Классическая фраза «Удивительно мощное эхо. Очевидно, такая эпоха» явно не про наши дни. Эха – нет, даже если считать все то, что я только что сказал, гиперболой, провокационным преувеличением.

¹ Знамя. 2012. №2. С. 180-188.

Простите, друзья поэты, но у меня такое впечатление, что в Москве с ее 15-миллионным населением есть 150–200, ну пусть 300–500 человек, которые переходят с одной площадки на другую, чтобы послушать стихи. И еще меньше тех, кто готов купить поэтический сборник. Людей, которые дарят или которым дарят поэтические сборники, я видел, не отпираюсь, а вот тех, кто полез бы в кошелек, чтобы заплатить за книгу современного поэта, я не видел, увы, давненько.

Вот вам и ситуация: стихи пишут, стихи пишут много, стихи пишут в том числе и хорошие, иногда даже замечательные, а читают все меньше, меньше, меньше. Процесс, говорят нам, общемировой, но разве от этого легче?..

И возникают простые вопросы: кто виноват? что делать? с чего начать?

Попробуем разобраться. Учитывая, что уже известны два, вернее, два с половиной ответа на эти вопросы.

Первый: поэты, войдя в третье тысячелетие, будто обезголосели, и их новые творения читателям просто неинтересны.

Второй: виновата публика, настолько одуревшая, войдя в третье тысячелетие, что разучилась постигать новые смыслы и восхищаться свежими метафорами.

И конечно же: это даже хорошо, что сейчас нам плохо, потому что поэзия никому ничего не должна, в том числе и нравиться, собирать большие залы, раскупаться, привлекая доверчивые умы и сердца. Ведь «если подлинно поется и полной грудью, наконец, все исчезает – остается пространство, звезды и певец». Разве не так?

Так, разумеется.

Тем не менее всем нам – и поэтам, и читателям – нужно как-то обвыкаться, как-то жить в ситуации, для нас беспрецедентной.

Как?

Павел Крючков

То, что сейчас мы слышали, – действительно отражает реальное положение вещей. Все – так: и поэты бесконечно перемещаются с одной площадки на другую вместе со своими читателями (которые тоже, между прочим, почти все пишут стихи, то есть фактически поэты читают друг другу), и книжку издать нынче довольно легко, и о неведомом читателе-избраннике все равно мечтается. Но вот парадокс. Стихов нынче – море, а в стране тем не менее сохраняется довольно большое количество читающих людей, которые постоянно и подспудно тоскуют по стихотворному слову, по лирике. А слово это – хорошее поэтическое слово – к ним, увы, не доходит, не попадает. И хотя в каждом крупном городе проходят поэтические фестивали, вечера, презентации и тому подобное, круг настоящих читателей поэзии (именно настоящих, отзывчивых, *тянущихся*) продолжает сужаться.

Мне кажется, если мы хотим этот круг расширить, нам стоит попробовать пойти к этим, может, пока неведомым нам читателям – как-то по-другому. В конце концов те «механизмы», о которых говорилось выше, и

так действуют вполне успешно: без читателя или с небольшим его количеством. Я же говорю о просветительской, если угодно, работе и попробую пояснить на примерах, что имею в виду.

Некоторое время тому назад я заметил, что в газете «Литература», которую выпускает издательский дом «Первое сентября» усилиями Сергея Волкова и Сергея Дмитренко, стало все больше появляться имен и стихов современных поэтов. Иногда что-то используется в цитате, а иногда творчество нашего современника привлекается для разговора о каком-то актуальном культурном явлении. Здесь можно увидеть не только имена, скажем, Гандлевского или Кибирова, но даже и Бориса Рыжего, и Нонны Слепаковой. А то и – совсем молодого литератора, публикующегося нынче в том или ином толстом литературном журнале. Значит, те, кто эти имена назвал, знают, о ком и чем идет речь. Они – читали. А на газету «Литература», между прочим, подписаны почти все средние учебные заведения – школы, лицеи и так далее. Это огромная аудитория.

Еще два примера, и надеюсь, меня не сочтут промоутером в нашем скорбном деле. Недавно фонд «Сибирские огни» совместно с «Литературной газетой» выпустили для старших школьников (а на самом деле – для учителей-словесников, ибо школьники без рекомендации педагога сами читать не возьмутся) стихотворную хрестоматию произведений второй половины прошлого века. В ее названии есть слово «шедевры». Я сейчас не оцениваю ни состав этой книги, ни ее пафос, ни название – это дело литературных критиков, которые о ней напишут, если сочтут необходимым. Я отмечаю тот факт, что в книге содержатся не только стихи ушедших поэтов, но и сочинения современных авторов, многие из которых находятся сегодня внутри литературного процесса, выступают публично и время от времени выпускают новые книжки. Распространение этой хрестоматии задумано таким способом, чтобы она в перспективе попала на стол к каждому учителю литературы каждой российской и московской школы. Получится это или нет – другой вопрос.

...Наверное, о своем издании здесь говорить неловко, но тем не менее уже шесть лет «Новый мир» совместно с «православным журналом для сомневающихся» (так он сам себя называет), то есть совместно с журналом «Фома» ведет поэтический проект «Строфы». В каждом номере публикуются небольшие антологические подборки современных поэтов. Конечно, в каком-то смысле это «тематические» публикации, но, верьте, это совсем не стихотворные иллюстрации к Священному писанию. Это, образно говоря, стихи, в которых находится, как нам кажется, то самое нечто, что в двадцатые годы прошлого века Корней Чуковский в книге о Блоке горько аттестовал, как «забытое и скомпрометированное». Это стихи, в которых есть *душа*, это – лирика. Мы смеем думать, что предлагаем читателям «Фомы» ее лучшие образцы, попутно рассказывая о том или ином поэте и что-то биографическое. А «Фома», между прочим, издается внушительным тиражом и помимо киосков продается почти в каждом московском храме. Я, кстати, сразу вспомнил, что вот недавно мы напечатали в «Фоме» стихи

московской поэтессы Елены Лапшиной и получили замечательные благодарственные отклики от нескольких читателей из совсем другого «контентного поля», из другой, как нынче принято выражаться, «референтной группы». То есть я думаю, что среди читателей «Фомы» немало таких, которые до знакомства с рубрикой «Строфы» даже и не догадывались о существовании современных поэтов, имена которых для нас с вами более чем привычны.

Одним словом, мне кажется, что нам стоит попробовать двинуться в сторону потерянного нами читателя какими-то другими, дополнительными путями. И этот читатель непременно появится, как только мы начнем о нем думать чуть-чуть иначе, чем думали до сих пор.

Ирина Роднянская

Обдумывая тему нашего собрания, для начала я хотела бы уточнить, что нас в первую очередь беспокоит: то, что многообразная и талантливая поэзия, не находя должного читательского отклика, оказывается в страдательном положении, или то, что читательская аудитория несет урон, лишаясь этого изрядного богатства. Мне скажут: и то, и другое. Но все-таки важно, с какого конца подойти. Всегда были, есть и будут поэты, надеющиеся найти признание не сегодня, а в потомстве; всегда были, есть и будут поэты, сознательно пишущие *für Wenige* – «для немногих», как сказано когда-то Василием Андреевичем Жуковским. А вот читатели... Павел Крючков уже начал именно с читательского конца. Я вслед за ним определяю себе ту же точку отсчета. В конце концов, по первому и официально единственному образованию я «библиотекарь-библиограф» (как записано в моем вузовском дипломе).

И вот, поставив себя на место сегодняшнего читателя, я решаюсь скандализовать поборников «хорошего вкуса». Мне, по состоянию моих текущих дел, легко представить себя в положении человека со скудным поэтическим меню. Занимаясь сейчас работой в гуманитарной области, с поэзией не соприкасающейся, я месяцами читала стихи только в свободное время – которого практически не было. Ту же ситуацию разделяет множество читателей – достаточно образованных и интеллигентных, но загруженных жизнью поверх головы и тратящих крохи из своего досуга, если уж на стихи, то «не на те». Я на своей шкуре поняла, какие это окажутся стихи. Последнее «сложное», что я успела прочитать перед своим «опрощением», – это книга Максима Амелина «Гнутая речь». А потом я, что называется, переключилась.

На моем столе, который уже превратился в книжную пирамиду, лежат только-только надкушенные книги поэтов, про которых из прежнего опыта я знаю, что они интересны: и Александр Кабанов, и Дмитрий Бак, и Елена Елагина, и Андрей Коровин... И отложенные, но тоже требующие внимания Андрей Новиков-Ланской, Олег Завязкин, Мария Тиматкова, Георгий Степанченко... Я все это стану читать, когда вернусь как профессионал в русло поэтической книги. Но другие-то читатели не выйдут из того

положения, в котором в данный момент пребываю я. И читают они то же, что успевала вместить и я: «стихи для бедных».

Использую в качестве указующего термина весьма удачное (ироничное, конечно) название свежего поэтического сборника Ивана Волкова. В его книжке далеко не все стихи подходят под это определение, многие с ним контрастируют – в чем и фишка; но общий колорит – демонстративно провинциальный, анархически эскапистский, усмешливо «приятельский» по адресации – удовлетворяет заявку утомленного бытием читателя на непритязательное чтение. «Стихи для бедных», в эмблематическом своем значении, – это такие стихи, которые рассказывают читателю как будто самым простым образом, но на деле непременно с подначкой, с подковыркой, о том, что его окружает и о чем он догадывается сам. Павел Крючков заметил, что читатели радуются стихам, в которых находят иллюстрацию собственных мыслей. Не «иллюстрацию», конечно, – это было бы плоско, но – естественную созвучность. И таких стихов становится все больше.

Когда-то, в достопамятные времена Политехнического музея, публицистические «мессиджи» и авангардные «параболы» преподносились в одном флаконе, так что существовала иллюзия, что читатели-слушатели сразу приобщаются и к изыскам «передовой» поэзии, и к ее гражданской прямоте. Теперь «стихи для бедных» (то есть отнюдь не для глупых или необразованных, но для тех, кому *некогда тратиться* на вещи с другим уровнем требовательности к адресату) отделились от поэзии, обладающей некой мерой «эзотеричности», образовав самостоятельный тренд. Мной задумана (и никак не напишется) статья о таких стихах и поэтах – «Блудные дети Козьмы Пруtkова». Это активно читаемые авторы: и «правдоруб» Иртеньев, и Дмитрий Быков, который, проявив себя отличным лириком, сейчас утверждает за собой малопочтенную репутацию «не-поэта» – и нисколько не робеет из-за этого. Это, конечно же, Всеволод Емелин. Его «Историю с географией», недавнюю книжку избранного, я купила и с удовольствием прочитала, дивясь его уму и умению писать с двойным доньшком, то сливаясь со своей маской, то сдвигая ее – и попадая в болезненные точки общественной психологии с ловкостью истинного мастера акупунктуры. Громкие аттестации Захара Прилепина и Виктора Топорова, помещенные на емелинском книжном переплете, оглашать стыдно; но сама-то я не могу не признать, что это *тоже* настоящие стихи – по-своему значительные и заслуженно читаемые.

К слову, советую не пропустить мимо внимания острейшую статью Игоря Шайтанова о «поэзии в ситуации после-пост-модерна» в № 4 «Вопросов литературы» за этот, 2011-й, год (в Сети ее нет). Почти со всеми оценками автора я не согласна, но скажу о тех, что пришлось кстати к нынешнему разговору. Вот, скажем, случай, когда я почти уже согласилась с Игорем Олеговичем и даже возликовала: Дмитрий А. Пригов, пишет автор, никакой не поэт; в ситуации общей утраты поэтического слуха его назначили на место поэта или он сам на него себя назначил. Разве не так? Но тут я

вспомнила, с каким воодушевлением один мой знакомый, превосходный полонист и широкий эрудит, в общем – человек, гуманитарно рафинированный, цитировал мне стихи про «милищанера». Находя, видно, в них артистический отзыв своему запросу на ироническое и скептическое отношение к «социуму». Даже с Приговым, выходит, не все так просто. В пару с ним автор той же статьи ставит раннего Тимура Кибирова – и опять-таки я сочувственно рукоплещу его, автора, дерзости. Но тут снова вспоминаю, как далеко не последний читатель, Мариэтта Чудакова, повстречавшись однажды со мной, воскликнула: ты знаешь, какой поэт появился?! – и прочитала одно из популярнейших кибировских посланий. Это опять-таки был ответ на запрос – столько же общественный, сколько и художественный. Потому что ни один нормальный читатель не захочет, чтобы поэзия начисто освободилась от якобы побочной функции – реагировать на окружающую жизнь сродным другим людям образом. Вот – из Ивана Волкова:

Кто сказал, что Читателя нет?
Есть, он чует укромное место,
Где его не растопчет расцвет
Элитарного et tous le reste'a

(то есть, по Верлену, высокоумной литературщины). И я сама нередко ищу в «стихах для бедных» это укромное место – место, где можно скрыться от Скидана или Драгомощенко.

Но. Этим «этажом» (скажем так) современной поэзии ограничить свое знакомство с нею, свою эстетическую потребность в ней – совершенно невозможно. Невозможно, разумеется, для меня. Но невозможно и для тех, «бедных», кто, пусть односторонне, но причастился уже чтению стихов. Только я, будучи втянута в сферу литературных занятий, эту невозможность сознаю, а многие и многие не знают, что теряют. Стихи, условно говоря, принадлежащие к категории «сложных», требующие усиленного труда души, труда интеллекта, любознательности, наконец, – таковы, что для них нужно высвобождать всего себя, отвлекаясь от житейской текучки («служенье муз не терпит суеты» – это и к читателю относится).

Я не могу согласиться с тем, что лишь избранники способны перешагнуть этот порог, отделяющий «легкое» от «трудного» (трудного, но *настоящего*). Опять же вспоминаю ту специальность, которой меня обучали в институте. На студенческой практике в Нижнем Новгороде (тогда г. Горьком) мне поручено было отметить юбилей Шиллера среди учащихся ПТУ (такие были времена, улыбнитесь...). Естественно, согнанная аудитория шумела и безобразничала. Сказав несколько вступительных слов, я просто-напросто стала читать сцену двух королей из «Марии Стюарт» (в переводе ли Пастернака, точно не помню). Читать внятно, не имея при этом никаких собственно исполнительских данных. Никогда не забуду очень быстро

установившейся мертвой тишины. Дослушали до конца, благодарили, и, судя по выражениям лиц, и смысл, и сама поэтическая речь были схвачены.

Может, оно и наивно, но этот опыт на всю жизнь убедил меня, что просвещение, художественное просвещение в особенности, – не пустое занятие. По крайней мере без этого занятия нельзя обнаружить и насытить потенциальных алчущих «лишенцев» среди прочей равнодушной массы населения. Только нынче на пути этой задачи стоит, пожалуй, еще больше препятствий, чем в подневольные советские времена. Павел Крючков перечислил несколько хороших печатных начинаний в копилку такого просветительства. Но, по-моему, это дело прежде всего «клубное», дело заманивания «на огонек». Я говорю не о тех по-своему успешных клубах, вроде «Улицы ОГИ» или «Билингвы», которые рассчитаны на профессиональную или околопрофессиональную аудиторию. Я представляю себе кружки при библиотеках или других книжных «ячейках», приглашающие всех, «кто хочет научиться понимать сложные, но очень хорошие стихи» (так пусть и будет объявлено). Скажем, «кружки одного стихотворения». Необязательно с участием самих авторов этих стихов. Пусть каждый раз прозвучит из уст ведущего (способного к членораздельному чтению) один-единственный глубокий и не сразу раскрывающий себя опус. «Элегия» Олега Чухонцева или «Зверь огнедышущий с пышною гривой...» Максима Амелина (о Государстве, между прочим). «Воскресение Христово» из «Иконной лавки» Бориса Херсонского или «Саван Лаэрта» того же Ивана Волкова (стихотворение из числа «не для бедных»). Для понимания и усвоения таких стихов нужно не только вникать в их особый ритмический рисунок – нужно знать и некие реалии: античные, евангельские, классические (скажем, «Торжество победителей» Шиллера – Жуковского в последнем из названных примеров). Ведь поэтическую классику издают же у нас именно с этого рода комментариями, и притом немалыми тиражами – в расчете на *многих*. Пусть последуют разъяснения, пусть послышатся вопросы, несогласия...

Фактически это такой внеинституциональный семинар с широко распахнутыми дверями перед немногочисленными (тут сомневаться не приходится) любопытствующими. (Однако, допустим, и выложенный в Сети.) Понимаю, что для такой затеи должны найтись энтузиасты, нужна хоть малая толика денег, которые из нашего удивительного бюджетного хозяйства выбить невозможно, а из спонсоров – крайне трудно. Но, отправляясь от обделенного читательского полюса (как сказано было мною вначале), ничего другого предложить я не могу.

Дмитрий Веденяпин

Замечательно, что есть такие люди, как Павел Крючков. Я полностью поддерживаю все, что он предлагает. Конечно, нужно любить читателя, нужно ему какие-то вещи объяснять, нужно устраивать поэтические вечера в школах... Все это нужно... В первую очередь самим поэтам. Наверное, в какой-то степени и читателям. Просто я бы хотел повернуть наш разговор в

чуть менее «социальное» русло. Ведь поэзия – субстанция таинственная. И все, что с ней соприкасается, тоже становится таинственным. В том числе фигура «читателя».

Разумеется, число читателей не сводится к тем пятнадцати – двадцати – ста людям, которые ходят на поэтические вечера в Москве. Разумеется, их больше. Сколько именно, никто не знает. А собственно, сколько их должно быть? О чем, собственно, речь?

Несомненно, что сегодня настоящие стихи в силу разных – повторюсь – таинственных причин становятся все более сложно и тонко устроенными. Читатели, привыкшие считать, что поэзия – это ладно зарифмованное высказывание того, что мы и так знаем, и вправду оказались в затруднительном положении. Нужно ли их «перевоспитывать»? Правильно и нужно – я с этого начал – рассказывать заинтересованным людям о поэзии, о том новом, что возникает сегодня, но, по-моему, если уж на то пошло, тут задача более масштабная и комплексная. Здесь «ликбезом» (даже самым замечательным) в области стихов не обойдешься. Нужно создавать «атмосферу», «среду», «воздух», где было бы возможно восприятие, а значит, и появление поэзии, потому что в совсем безвоздушном пространстве поэзия не только не воспринимается, но и не пишется. В общем, чем больше наша страна будет превращаться в страну «менеджеров» (простите меня за банальность), тем меньше людям будет нужна поэзия. Хотя даже в этом я не уверен. Истинные любители поэзии – всегда не на виду. Они зачастую не ходят на поэтические вечера, не звонят в студию во время теле- или радиоэфира (обычно вообще звонят совсем не те, кто хотелось бы, чтобы звонил)...

Короче говоря, у меня довольно оптимистический взгляд на нынешние взаимоотношения поэтов и читателей. Все подлинное имеет резонанс и принимается с благодарностью. Конечно, пишушим (большинству пишущих) всегда мало того внимания, которое уже есть, но здесь уж ничего не поделаешь... Да и вообще количество любителей поэзии не может превосходить число футбольных болельщиков. «Тогда б, – как говорил пушкинский Моцарт, – не мог и мир существовать»...

Данила Давыдов

Чтобы говорить о проблеме, предложенной нам для обсуждения, необходимо понять три вещи. Первое, самое поверхностное и самое очевидное – это то, что современная поэзия в значительной степени перестала выполнять не связанные с собственно поэтическим побочные функции. Она в русской литературе всегда выполняла такие функции: публицистические, парафилософские, социальные и т.д. Так, очень любят говорить, что вот Евтушенко с Вознесенским собирали стадионы. Стадионы собирались послушать, какой плохой Сталин, а вовсе не стихи. Тех, кто любит стихи, в каждом поколении процент примерно равный. Это очень небольшой процент людей эстетически развитых. Количество поэтов растет, количество читателей не увеличивается.

Второе, и очень важное: произошло полное растожествление различных художественных языков. Если мы можем говорить через запятую: «Ахматова, Сурков» (я не говорю о том, что Сурков хороший поэт, я говорю о том, что в принципе их возможно воспринять в одном контексте), то, скажем, уже Пригов и Куняев – это разные типы деятельности, а не просто разные стилистики. Соответственно, сейчас у нас не целостная поэзия, но несколько типов поэзии, каждый из которых обладает своей аудиторией. Поэтому может возникнуть ощущение, будто бы поэзия не востребована, хотя каждая из имеющихся «поэзий» востребована в своем сегменте.

Третье: количество информации, которую создает человечество, увеличивается в геометрической прогрессии. Это касается отнюдь не только эстетической информации, но и информации в целом. Стоит посмотреть на научные публикации. Любой человек, который занимается той или иной научной дисциплиной, прекрасно знает, что освоить даже в очень узком сегменте собственной специальности всю имеющуюся литературу невозможно физически. Соответственно, мы не знаем того, что делается буквально рядом, и приходится изобретать велосипед.

Мы тут собрались радеть за то, чтобы у поэзии был читатель, а разве мы следим, например, за тем, что происходит в современной академической музыке? Или вот: кто из присутствующих способен объяснить квантовый эффект? Для человека XIX века было естественно разбираться в разных областях человеческой мысли и человеческого духа: и в естественных науках, и в гуманитарных науках, и в художественной деятельности. Таким образом, проблема «отсутствия» у современной поэзии читателя – отражение более общей и фундаментальной антропологической проблемы. Просто поэзия, являясь пиком человеческого духа, эту самую антропологическую проблему проявляет больше, чем что бы то ни было иное.

Александр Шишкин

Я согласен с предложенной нам формулировкой. Когда я начал издавать поэтические книги, мой приятель, который тридцать лет занимается книгораспространением, сказал мне: «Саша, печатай не больше трехсот экземпляров. Больше не продашь». Этот прогноз подтверждается. Питирим Сорокин в «Социокультурной динамике» в 1936 году написал, что визуализация культуры приводит к унижению слова. Углубленное понимание возникающих поэтических языков требует определенного типа мышления, определенной языковой метафорики восприятия и прочее, а между тем культура, по мере визуализации, становится более «плоской», менее глубокой, и, естественно, читатель уходит от поэтического к визуальному типу мышления.

И пока не случится такого кризиса, когда всем придется добывать себе пропитание на грядке, а не сидением в журнале и редактированием текста, у людей попросту не будет времени подумать о Боге и заняться собственным способом мышления. Вот тогда, возможно, и востребуются те языки, на которых сейчас говорит культура.

Андрей Василевский

Одно короткое замечание. Описывая нынешнюю ситуацию (небольшие тиражи, мало читателей, мало слушателей), мы молчаливо подразумеваем, что миллионы людей, живущих в нашей стране, живут вообще без поэзии, а поэзия обретается где-то в другом месте. Думаю, что это не так. Подобно тому как функцию «большого романа», длинного романа с продолжением, сегодня исполняет не только/не столько роман, сколько сериал, и зачастую сериал делает это интереснее, качественнее, чем средний роман, точно так же функцию поэзии в современном обществе играет песня. Это и та самая презируемая попса, это и рок, и блюз, и рэп, и бардовская/авторская песня. Люди, ориентирующиеся на те или иные сегменты песенной культуры, – это колоссальная аудитория. Если герой фильма «Брат» не берет в руки томик стихов, это не значит, что он живет без поэзии, потому что в ушах у него играет «Наутилус» про «где твои крылья, которые нравились мне». Это я не к тому, что современный романист должен непременно переквалифицироваться в сценариста, но, садясь писать новый большой роман, он должен понимать, что делает это в присутствии кинокультуры, культуры сериала. И писать, как писали в досериальную эпоху, бессмысленно. Вот в поэзии примерно такая же ситуация.

Евгения Вежлян

Сама формулировка темы (напомню ее: «Современная поэзия: жизнь без читателя?») нуждается в уточнении, причем в обеих своих частях. Как показали высказывания уважаемых коллег, под «поэзией» и «поэтическим» можно понимать самые разные вещи – от «профессиональной» поэзии (впрочем, и это словосочетание нуждается в уточнении) до песенных текстов (а кто сказал, что это не поэзия? Что поэзией не являются те же стихи Ильи Кормильцева, автора текстов песен упомянутой Андреем Василевским группы «Наутилус»?). А от того, насколько мы широко или узко рассмотрим поле «поэтического», зависит и постановка «читательской» проблемы.

В середине 2000-х я написала статью «Литература в поисках читателя». Ее написание было спровоцировано тем, что тогда, в 2005–2006 годах, самосознание литературного сообщества было захвачено «синдромом спецификации» (так можно назвать это состояние). Литературтрегеры были озабочены прежде всего структурированием самого литературного сообщества и присвоением соответствующего «символического капитала», в связи с чем демаркационная линия между «правильным» и «неправильным», «своим» и «чужим», «настоящим» и «поддельным» в литературе должна была стать предметом их неусыпной заботы и бесперебойной охраны. В первую очередь это, конечно, касалось поэзии. Это была, среди прочих закрытых, еще и особо охраняемая территория. Именно эта территория, к середине 2000-х объединившая поле литературных салонов и поле толстых журналов «Журнального зала» (здесь важно отметить, однако, что с середины 2000-х статус «легитимирующих» получили еще несколько

интернет-площадок), в обиходе «литературных людей» считается территорией «профессиональной» поэзии. И, кажется, по умолчанию, именно она и имела в виду, когда Сергей Иванович Чупринин формулировал тему данной встречи.

Я неоднократно писала и говорила на разных «круглых столах»: именно благодаря тому, как именно формировалось это пространство, фигура внешнего наблюдателя «не заложена» в само устройство современного поэтического сообщества. Знание о современной поэзии – это знание по природе своей «эзотерическое». То есть такое, которое можно получить только от самих «посвященных». А значит – оно дается приобщением, вовлечением в поэтический процесс. Пришел на поэтический вечер или на поэтический сайт, стал общаться – и вот ты уже часть «тусовки». Поэтому фигура читателя поэзии в прежнем, традиционном смысле – в том смысле, в каком у театра есть зритель, а у музыки слушатель: находящийся «по ту сторону» рампы/сцены/процесса, не вовлеченный непосредственно в «действие» и имеющий дело только с результатом (продуктом) творческой деятельности заинтересованный свидетель, – кажется, уходит в прошлое.

То есть да, читателя, конечно, нет. Но он есть. В по-иному устроенном культурном поле и читатель конфигурируется иначе. Это не «масса», но множество элементов, каждый из которых – отделен. Читателей современной поэзии нельзя «проинтегрировать» и помыслить как некую «сумму». И потому количественный фактор становится не так важен. Сообщество читателей поэзии – это периферия самого поэтического сообщества. Больше всего это похоже на сетевой маркетинг. Современная поэзия теперь сама «вербует» себе читателей из тех, кто ей больше нравится. И наиболее активно этот процесс «вербовки» идет через Интернет. Я сейчас имею в виду, конечно же, не столько сайты со свободным размещением, сколько социальные сети, которые позволяют сократить поиск нужного контакта, осуществить необходимый дрейф из одного сообщества в другое – скажем, из сообщества «Стихи.Ру» в сообщество профессиональных поэтов.

Эти процессы привели к тому, что телевизионные СМИ, которые игнорировали современную поэзию, теперь периодически делают ее главной темой телепередач. То есть информация о наличии современной поэзии на русском языке становится достоянием не только той России, которая ориентирована в первую очередь на Инет, но и той, для которой главным источником информации становится телевизор. Некоторые поэты – уже вполне медийные, узнаваемые фигуры. Они могут стать «паровозом» для всех остальных. Так что – процесс знакомства общества с поэзией пошел, как говорится. И, на мой взгляд, он достаточно интенсивен, чтобы перестать говорить о «проблеме читателя» по отношению к современной поэзии. То есть на главный вопрос нашей дискуссии мой ответ – отрицательный. В XXI веке поэзия без читателя не останется.

Сергей Чупринин
P.S.

Вряд ли возможно примирить тех, кто видит в поэзии прежде всего способ продуктивного диалога с современниками, и тех, кому роднее позиция «Нет, никогда ничей я не был современник». Да и надо ли пытаться, если спор между приверженцами «искусства для искусства» и сторонниками искусства как общественного деяния длится в России уже более полутора столетий, не принося решительной победы ни одной из сторон, зато открывая многое и его участникам, и его равнодушным свидетелям?

Многое — и в самой поэзии, и в свойствах исторического момента, переживаемого страной и миром.

Сейчас, вряд ли кто будет возражать, эпоха непоэтическая. Что ж, значит, задача поэтов — сопротивляться обстоятельствам времени и места. А как — пытаюсь, сколько это возможно, расширять число сочувственников и единомышленников, или, напротив, уходя в глубины собственного внутреннего мира — это уж решит сам поэт. Лично. Как ему на роду написано. Без оглядки на то, что думают об этом участники того или иного «круглого стола». Но, мы надеемся, принимая во внимание и те аргументы, что были только что высказаны.

Сергей Чупринин

СТИХИ БЕЗ ГЕРОЯ?¹

Приглашение к дискуссии

Я вас любил: любовь еще, быть может...

Выхожу один я на дорогу...

Вчерашний день, часу в шестом зашел я на Сенную...

Я пригвожден к трактирной стойке...

Я на правую руку надела перчатку с левой руки...

Я сразу смазал карту будня...

Я иду долиной. На затылке кепи...

Гул затих. Я вышел на подмости...

Я знаю, никакой моей вины...

Я обнял эти плечи и взглянул...

Я, я., я.. — это дикое слово на протяжении двух, как минимум, столетий едва ли не доминировало в частотном словаре русской лирики. Означая, что высказывание поэта обеспечено его личным опытом и давая читателю возможность принять этот опыт как свой, самоотождествиться с поэтом в творческом акте сопереживания и соразмышления.

Понятно, что не бывает правила без исключений. И понятно, что «я» поэта никогда (или почти никогда) не равно его паспортному ФИО. Это, как заметила Ирина Роднянская, говоря о Лермонтове, чаще всего легендарная правда о поэте, предание о себе, завещанное поэтом миру. Смысловый объем личного местоимения первого лица то расширяется, представляя собою все человечество (я царь — я раб — я червь — я бог!), то редуцируется, срабатывает

¹ Знамя. 2012. №12. С. 197-215.